Брюно Латур

Коперниковский переворот в политической теории

Предисловие переводчика

Брюно Латур как искусный писатель и филолог-инженер ставит перед переводчиком нелегкую задачу — следовать за его изобретениями в других языковых средах. Это предисловие призвано прояснить ряд непростых решений, которые переводчик принял в ходе своего путешествия. В предлагаемом вниманию читателя тексте Латур рассуждает о политике скорее в строгих аналитических категориях, чем в запоминающихся образах утопии Парламента Вещей, как это было в книгах «Нового времени не было» и «Политика природы». Однако в корне латуровской аналитической схемы находятся не менее яркие и содержательные метафоры, передача которых требует употребления не конвенциональных для русского языка выражений. Ключевых метафор, о которых хотелось бы сказать отдельно, три.

Первая — космическая метафора коперниковского переворота. Эта метафора отсылает одновременно к Копернику, который, как известно, совершил переход от геоцентризма к гелиоцентризму в астрономии, Канту, который заставил мир вращаться вокруг познавательных способностей разума в философии, и самому Латуру, который в противовес Канту предложил коперниковскую контрреволюцию в социологии. Последняя состояла в том, чтобы заставить и субъекты (общество) и объекты (природу) вращаться вокруг гетерогенного коллектива, производящего людей и вещи [Латур 2006: 146–149]. Коперниковский переворот, о котором Латур говорит здесь, сродни этой контрреволюции. Политика больше не является сферой жизни или облаком процедур, вовлекающим в поле своей гравитации предметы беспокойства, проблемы, объекты, субъектов и т. д. Солнцем новой космополитической

Бруно Латур — социолог, антрополог, философ. Один из создателей акторно-сетевой теории. Профессор парижского Института политических исследований.

Перевод выполнен по: [Latour 2007].

системы становится предмет беспокойства. Нет предмета беспокойства — нет политики. Политика тем временем приходит в движение и описывает различные траектории вокруг предметов беспокойства. Отсюда в тексте появляются «политические теории, вращающиеся вокруг субъектов (или объектов)», «политика, вращающаяся вокруг предметов беспокойства (или тем)» и «вещи, вокруг которых вращается политика» — выражения, довольно инородные для русского языка. По указанной причине оригинальное название Turning around politics (буквально «Вращающаяся политика») было решено перевести как «Коперниковский переворот в политической теории».

Прямым следствием коперниковского переворота в политической теории является десубстантивация политики. Политика не существует в отсутствие предметов беспокойства, она лишь прилагается к ним, у нее нет своего содержания, она лишь квалификатор ситуаций. Поэтому в переводе необходимо было удержаться от соблазна субстантивации и не переводить прилагательное «political» как субстантивированное прилагательное «политическое», что вновь возвращало бы нас к образу единой политической сферы, обладающей своим собственным содержанием вне зависимости от тех материй, с которыми она сталкивается. Латур четко соблюдает эту терминологическую разницу, используя в обсуждении сегментов траектории предмета беспокойства исключительно не-субстантивированное прилагательное «political». Субстантивированное прилагательное «the political» появляется в тексте дважды — когда речь идет о сокращении области политического и о наших привычных ассоциациях с политикой. Правило согласования имен прилагательных с именами существительными делает «прилагательную» природу политики в русском языке даже более явной, чем в английском. Не имеет смысла говорить о политике в отрыве от ее существительных, от ее вещей, не вдаваясь в существо вопросов, с которыми она имеет дело. Сказав «все является политическим», Латур прекращает поиск специфической области политики, подразумевая, что эта специфика вносится самими вещами, с которыми имеет дело политика. Это в свою очередь позволяет аналитику сосредоточиться исключительно на различении и индексации режимов квалификации чего угодно в качестве политического.

Вторая и третья метафоры связаны с разными этимологиями терминов «issue» и «problem». Английское «issue» произошло от латинского глагола «exire» через старофранцузский «issir» — выходить, вытекать, выливаться, истекать. Шум, доносящийся из частной квартиры и беспокоящий соседей настолько, что они вызывают полицию; радиоактивное излучение, вырвавшееся из свинцово-графитовой клетки АЭС; факты и артефакты, выпускаемые лабораториями, чтобы изменить мир; секретные документы, просочившиеся в медиа; наконец, река, вышедшая из берегов, — все эти

образы и им подобные составляют метафору, стоящую за понятием «issue». Эта метафора выхода за рамки, переливания через край, высвобождения неизвестной силы, которую Дж. Дьюи емко сформулировал как «неожиданные и неучтенные последствия коллективных действий». Однако эта метафора скрадывается наиболее адекватными для данного контекста вариантами перевода «issue» как «проблема» или «предмет беспокойства». Чтобы сохранить вышеуказанный смысловой аспект, переводчик позволил проникнуть из английского текста в русский «политическому действию, просачивающемуся в места, где оно не может быть узнано в качестве такового политологами», «последствиям, переполняющим берега рутины», «предмету беспокойства, выходящему за рамки привычных сплетений».

Для обеспечения терминологической разницы «issue» было переведено как «предмет беспокойства», а «problem» — как «проблема». Несколько слов следует сказать о не конвенциональном переводе термина «issue». Более обычным был бы перевод «issue» как «спорный вопрос» или «предмет разногласий», однако в таком случае на первый план выдвигался бы исключительно агонистический аспект. Однако «issue» может порождать не только споры и разногласия (столь привычные для официальных мест политики), но и вызывать интерес, озабоченность, беспокойство (обычные для наук, технологий и других мест за пределами формальных политических институтов). Принимая во внимание, что коперниковский переворот в политической теории является частью более масштабного сдвига от объектов к вещам, а также словоупотребление в данном тексте, переводчик рассматривает «issue» как политико-теоретический эквивалент более абстрактного латуровского понятия «matter of concern» («предмет беспокойства»). Вышеуказанные обстоятельства, а также необходимость соблюсти терминологическую разницу привели к итоговому решению переводить «issue» как «предмет беспокойства».

В свою очередь решение соблюдать терминологическую разницу обусловлено не только тем, что в случае одинакового перевода обоих терминов (как, к примеру, «проблема») потребовалось бы постоянно отсылать к словоупотреблению в оригинале, что затрудняло бы восприятие текста, но и тем, что за понятием «problem» стоит метафора, в корне отличающаяся от той, что лежит в основе «issue». Английское «problem» восходит к греческому слову «problema» (препятствие), которое в свою очередь происходит от глагола «proballo» (бросать или класть что-либо перед кем-то). «Проблема» — это препятствие, стоящее на чьем-либо пути. Этимология этого слова, таким образом, вызывает образы: разрушенного моста; занесенных снегом железнодорожных путей; автомобильного или водопроводного затора; баррикад на улицах революционного города; наложения президентом вето на решения парламента. Коренное отличие

от образов, стоящих за «issue», в том, что здесь уже проложены пути, на которых отчетливо выделяется помеха/барьер, и более или менее определен круг тех, для кого препятствие на этих путях будет проблематичным. Понятие проблемы отсылает к нарушению рутины — некогда изобретенного, устоявшегося и опривыченного хода действий. «Problem» требует «solution» — решения, а точнее, разрушения (удаления, растворения) препятствия на пути (иногда это может иметь вид восстановления разрушенного участка пути).

Понятие предмета беспокойства отсылает к высвободившейся силе, неконтролируемые и неучтенные последствия действия которой косвенно затрагивают неопределенный круг акторов, не имеющих непосредственного отношения к ситуации ее высвобождения. «Issue» нельзя решить в вышеуказанном смысле, поскольку нет ни устоявшихся путей, ни отчетливых препятствий на них, на разрушение которых можно было направить все усилия, ни критериев, определяющих, решена ли проблема или нет. «Isssue» требует «handling» — обуздания, контроля, особого обращения, заботы, его нельзя разрешить, но с ним можно справиться, его можно «разрулить» (этот жаргонизм является, пожалуй, наиболее точным переводом глагола «to handle» в применении к «issue»). Показательно, что Латур в своем словоупотреблении строго соблюдает терминологическую разницу между «issue» и «problem». В данном тексте понятие проблемы (если не учитывать прямые отсылки Латура к Дьюи) возникает в момент обсуждения третьего и четвертого сегментов траектории предмета беспокойства. «Предмет беспокойства» квалифицируется как «проблема», когда машина государственного аппарата и ассамблеи рациональных граждан сталкиваются с нарушением привычного хода своей работы или препятствием на пути достижения консенсуса.

Поскольку понятие предмета беспокойства отсылает к непредвиденным последствиям, затрагивающим неопределенное количество гетерогенных акторов, постольку собирающуюся вокруг него «public» важно было перевести именно как «публика», а не как «общественность» или «общество». «Публику» прагматистов следует отделять и от понятия общества, и от понятия сообщества. В отличие от абстрактного и всеохватывающего общества, публика специфична и частична, поскольку ее сформировали только акторы, затронутые (как правило, вредоносными) последствиями конкретных событий и действий, к которым они не имеют прямого отношения. Именно отсутствие непосредственного доступа к событиям и действия, а также последствия, требующие систематического контроля, а не простое любопытство или гражданская ответственность приводят к образованию публики. В отличие от сообщества, которое предполагает некую общую форму жизни, публика гетерогенна, ее акторы разбросаны и принадлежат к разным сообществам. Един-

ственное, что объединяет публику, — дела (res, affairs), предметы беспокойства или разногласия (matters of concern, issues), которые ввиду своих последствий требуют заботы и внимания от ее членов. Чтобы разобраться с предметом своего беспокойства, члены публики должны сформировать новое политически организованное сообщество. Таким образом, в отличие от всегда уже собранных и стабилизированных «society» и «community», состав которых определен и легитимирован, «public» отсылает к самому процессу собирания политических форм из гетерогенных и распыленных ингредиентов.

А. Кузнецов

В обстоятельной и важной статье Герардде Врис [de Vries 2007] предложил переориентировать внимание сообщества «исследований науки и технологии» (science and technology studies, STS) на политику. Он просит STS распространить на политику то, что сделано в отношении науки и чем так гордятся. А именно: покинуть кабинеты и исследовать практику вместо того, чтобы «строить из себя философа» и рассказывать всем о том, чем должна заниматься наука. Для этого философ де Врис вводит несколько полезных противопоставлений. Первое противопоставление — политической теории, которая вращается вокруг *субъектов* политики (автор забавно называет их мини-королями), и теории, которая вращается вокруг своих *объектов*. Второе противопоставление — официальной машинерии правительства и множества мест, куда политическое действие может просачиваться, не будучи распознанным политологами в качестве такового. Он называет этот феномен «субполитикой» (заимствуя термин у Ульриха Бека). Третье предложенное де Врисом противопоставление — двух способов практиковать STS. Один способ — взять политическую философию «в готовом виде», второй — симметрично исследовать сложные и запутанные практики как политики, так и науки. (Не будучи классицистом, я оставляю в стороне некоторые другие оппозиции, восходящие к Аристотелю, например оппозицию *praxis* и *poeisis*, которая кажется мне анахронизмом или в лучшем случае уходом от главной темы в сторону.)

В статье де Вриса переплетены три нити рассуждения: хороший анализ характерного для STS запутанного кейса, а именно скрининга материнской крови*, краткая история политической философии

* В современной медицине пренатальный скрининг материнской крови (или скрининг материнских сывороточных факторов) является рутинной процедурой, при помощи которой можно определить риск (выше среднего уровня) наследственных заболеваний и пороков развития у плода, таких как синдром Дауна и расщепление позвоночника. Однако положительный результат скрининга не обязательно означает отклонения в развитии плода *(прим пер.).*

и, наконец, критика исследователей STS, которые, по видимости, не смогли решить проблему [объекта политики] — или того хуже, которые, как я сам, «блокируют поиски объекта политики» [de Vries 2007: 805]. Поскольку здесь не место защищать мою книгу «*Политика природы*» [Latour, 2004], я ограничусь рассмотрением того, что я нахожу в доводах де Вриса в особенности заслуживающим одобрения.

Остановлюсь на трех пунктах: (1) я буду аргументировать, что вклад STS заключается в преобразовании вопроса о политике в вопрос о *космополитике*; (2) я рассмотрю, как можно сделать эту находку более плодотворной, обратившись к традиции прагматизма, а не Аристотеля, при условии, что понятие предмета беспокойства (issue) выдвигается на первый план; и, (3) используя пример де Вриса, я покажу, как различные значения прилагательного «политический» могут быть переописаны в качестве следующих друг за другом *точек,* которые лежат на траектории предмета беспокойства.

От социальной конструкции к космополитике

Общий критический анализ де Вриса, направленный против большей части «исследований науки», разумеется, точен: мы были так заняты реконструкцией характерных черт научной практики, что брали в готовом виде любую имевшуюся в распоряжении политическую теорию. В результате политика расширилась до такой степени, что стала соразмерной современным обществам, которые включили в себя элементы науки и технологии. С тех пор как «все является политическим», прилагательное «политический» преследует та же судьба, что и прилагательное «социальный»: распространившись на все, оба утратили смысл.

Де Врис также прав в том, что обнаруживает определенный дисбаланс в нашей критике. Мы подвергли безжалостной критике эпистемологию (даже несмотря на то, что философы науки остаются ликующе невежественными относительно нашей работы!), в то время как с политической теорией обошлись с куда бо́льшим почтением. Как не переставала утверждать Шейла Джасанофф [Jasanoff & Martello 2004], политическая практика давно заслужила внимание, которое мы в свое время уделили науке и лабораториям. Тропизм* к «социальному объяснению» отчасти объясняет этот дисбаланс: в композите «зна-

* Тропизм — совокупность реакций клетки на внешние раздражители (воду, свет, химические соединения, температуру и т. д.). В современной биологии этот термин, как правило, употребляют для описания поведения растений и микроорганизмов. Если организм движется в сторону раздражителя, то имеет место положительный тропизм, если от раздражителя, то говорят об отрицательном тропизме. Здесь Латур подразумевает второй

ние/власть» «знание» вызвало гораздо больше подозрений, чем «власть», которая (как мы ошибочно думали) уже достаточно исследована.

Если быть справедливым в отношении нашего собственного начинания, то не следует забывать о двойной критике, направленной на «исследования науки» на раннем этапе. С одной стороны, нас обвиняли, что мы осквернили чистое царство знания, продемонстрировав властные игры даже в укромных уголках лабораторий. С другой стороны, более политизированные социальные реформаторы обвиняли нас в «деполитизации» пространства «заинтересованных ученых», поскольку мы будто бы забыли о значимости «реального господства». Например, критика Лэнгдона Уиннера состояла в том, что исследования науки не только не расширили возможности граждан влиять на науку и технологию, но и в значительной мере изъяли из политической борьбы все источники нормативного суждения и активности. Да, черный ящик был открыт, но оказалось, что он пуст [Winner 1993]. И хотя Общество социальных исследований науки присуждает премию Дж. Д. Бернала, идеалы самого Бернала относительно народного (popular) контроля науки и технологии оказались по большей части забыты. Специалисты STS, утверждает Уиннер, были заняты ловлей мухи конструирования фактов и тем временем упустили из виду верблюда политического господства.

Здесь, на мой взгляд, призыв де Вриса представляет наибольший интерес. Те, кто думал, что наука должна оставаться неосквернённой политикой, *так же, как* и те, кто искал политической релевантности, ожидали обнаружить в литературе по исследованиям науки *традиционных персонажей*, которые якобы занимают политическую сцену: граждан, ассамблеи «мини-королей», идеологии, делиберации, голосования, выборы; традиционные *места* политических событий: уличные демонстрации, парламенты, административные кабинеты, штабы стратегического и тактического командования; и традиционные *страсти,* которые мы спонтанно ассоциируем с политическим (the political): возмущение, злобу, подковерную борьбу, насилие и тому подобное. Вместо этого они обнаружили технических специалистов в белых халатах, кабинетных топ-менеджеров, пишущих на доске математиков, патентных юристов, инспекторов, изобретателей, предпринимателей и экспертов всех сортов и мастей, и все они вели свою деятельность в местах абсолютно не связанных с пространством политического действия и средствами, совершенно отличными от средств поддержания и ниспровержения закона и порядка. Вакцина, лампа накаливания, уравнение, норма

случай — уклонение отдельных направлений STS от социального объяснения чего-либо *(прим. пер.).*

загрязнения, здание, процедура скрининга крови — вот те новые *средства*, которыми проводилась политика.

Отсюда симметричное удивление тех, кто отвергал политизацию знания, осуществленную исследованиями науки: «Посмотрите! В моей лаборатории нет политиков, почему вы говорите, что она политическая?» И тех, кто обвинял нас в санации знания: «Посмотрите! Там нет активистов, нет простых граждан, как вы можете утверждать, что оно произведено политически?» Двойное удивление вполне понятно: да, наука и технология являются политическими, но с помощью *других* средств*. Машинерия официально политического является лишь верхушкой айсберга в сравнении с множеством других мероприятий (activities), проводимых «активистами», которых куда больше, чем тех, кто претендует на то, чтобы заниматься политикой per se.

Я по-прежнему убежден, что открытие этого скрытого континента остается большим достижением исследований науки. Это достижение было сделано на заре Эдинбургской школы [Barnes & Shapin 1979] и сохраняло свою значимость, пока феминистские исследователи не обратили внимание на более радикальные трансформации гендера, тела и животной жизни [Haraway 1997]. В этом отношении пример де Вриса с кейсом скрининга крови в особенности показателен: из лаборатории вышли различные ассоциации (или пропозиции)*, определяющие, что значит для голландских женщин определенного возраста и статуса иметь детей. Отныне политика представляет собой нечто совершенно отличное от того, что [о ней] думают политологи: это построение космоса, в котором живут все, это постепенное сочинение (composition) общего мира [Latour 2004]. Характерной особенностью этой громадной трансформации является то, что политика теперь определяется как мучительный выбор между конфликтующими *космограммами* [Tresch 2005]. Поэтому Изабель Стенджерс

* Здесь Латур отсылает к афоризму Карла фон Клаузевица «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики другими средствами» и инверсии этого афоризма Мишелем Фуко «Политика — это продолжение войны другими средствами» [Клаузевиц 1998: 27; Фуко 2002: 148–152] *(прим. пер.)*.

* «*Пропозиция*» (proposition) — одно из ключевых понятий книги Латура «*Политика природы*». В стандартном философском и лингвистическом смысле пропозиция — это утверждение, которое может быть истинным или ложным. Однако в латуровском понятийном аппарате «*пропозиция*» — не лингвистическая форма, но ассоциация людей и не-людей до того, как она станет полноправным членом коллектива или установленной сущностью. К латуровской «*пропозиции*» неприменимы категории истинности и ложности, она может быть лишь хорошо или плохо артикулированной. См.: [Latour 2004: 82–87, 247–248; Latour 1999: 133–144]. Латур заимствует это понятие у Альфреда Уайтхеда [Whitehead 1978: 184–208] *(прим. пер.)*.

предложила назвать проект в целом замечательным словом «*космополитика*», означающим буквально политику космоса [Stengers 1996], а не своего рода развернутую форму интернационализма [Beck 2006].

Однако де Врис изящно показывает, что новое вино сперва было влито в старые мехи. Поначалу специалисты STS думали не о том, как разрушить старое как мир определение политики, но о том, как привнести науку в политику. Это можно было сделать двумя способами, ни один из которых не менял общей схемы. Мы могли либо распространить *те же* мыслительные привычки, сложившиеся в парламентах и на улицах, на все без исключения отдаленные* места, либо попросить ученых и инженеров ужаться до официальных мест политики и сделать свою деятельность подотчетной* гражданам или их представителям. Первое решение утверждало: «Все является политическим», но не объясняло, как распространить и сделать эффективной демократическую систему сдержек и противовесов в этих экзотических областях; отсюда обвинения в том, что мы в итоге пришли к своеобразным формам деполитизации. Второе решение говорило: «Давайте найдем способ соединить публику и экспертов». Важная работа в этом направлении была проделана Шейлой Джасанофф, Брайаном Уинном, Ником Роузом, Мишелем Каллоном, Гарри Коллинзом и многими другими.

Недостаток обоих подходов — один из которых распространяет политику на все, а другой возвращает науку и технологию на арены «политики в обычном понимании» — состоит в том, что они в равной степени сохраняют определение политики, которому учат на факультетах политических наук. Говоря шахматным языком, дебютный ход де Вриса указывает на радикальное отклонение от привычного хода игры: что если определение политики нужно перестроить так же основательно, как STS перестроили определение науки? Не просто расширить или сузить, но полностью *перераспределить (redistributed)*.

«Нет предмета беспокойства — нет политики»

В отличие от де Вриса, я не уверен в целесообразности возвращения к Аристотелю. Я не нахожу в греческом идеале полиса ничего, что могло бы вновь пригодиться, помимо тех случаев, когда кто-то произносит речь в день присуждения ученых степеней в неоклассиче-

---

* Выражение «*far-fet*ched», переведенное здесь как «*отдаленный*», также имеет значение «*притянутый за уши*» *(прим. пер.)*.

* Слово «*accountable*», переведенное здесь как «*подотчетный*», имеет также релевантные данному контексту значения «*понятный*» и «*транспарентный*» *(прим. пер.)*.

ском зале, которых много в наших кампусах. Кивание по случаю бюстам Демосфена и Перикла не нанесет большого вреда, но адекватные нашим целям ресурсы должны быть гораздо ближе: давайте вместо Аристотеля обратимся к прагматистам, а именно к Джону Дьюи (1954 [1927]). Следуя новой интерпретации Дьюи, предложенной Нортье Маррес [Marres 2005, 2007], де Врис переопределяет политику как то, что не является ни типом процедуры, ни сферой жизни. Политика не есть некоторая сущность (essence); она — то, что движется; она — то, что имеет траекторию. Если я правильно понял их обоих, то разные значения прилагательного «политический» теперь должны квалифицировать определенные моменты, стадии или сегменты в сложной и довольно беспорядочной судьбе предметов беспокойства (подробнее об этом будет сказано ниже).

В противоположность довольно вылущенному прагматизму Ричарда Рорти и Хилари Патнэм, это прагматизм в его лучшем виде. Здесь нам вспоминается этимология названия этой пока еще недооцененной политической философии: чтобы быть прагматистом, вам необходимы *pragmata** — термин, разумеется, греческий, но он звучит для нашего современного уха звонче, чем *polis* или *poeisis*. Предлагаемое прагматизмом радикальное отклонение от привычного хода игры состоит в том, что прилагательное «политический» не определяет профессию, область, деятельность, призвание, место или процедуру, но квалифицирует *тип ситуации*. Вместо того чтобы сказать: «Установите процедуру, которая управится со всем, что бы потом ни проходило эту процедуру», прагматизм предлагает нам сосредоточиться на объектах, вызывающих беспокойство (objects of concern), а затем, дабы справиться с ними, создать инструменты и оснастку, необходимые для понимания поднятых ими вопросов, в которых мы безнадежно запутались.

«Объект», конечно, не то слово. Определение Дьюи звучало как «неожиданные и неучтенные последствия коллективных действий» и было резюмировано Маррес в термине «предметов беспокойства и их траекторий». Именно это Дьюи, последовав примеру Уолтера Липпмана, назвал *«проблемой публики»* [Lippmann 1993]. Вот радикальный по своим масштабам коперниковский переворот: заставить наконец политику вращаться вокруг тем, которые генерируют вокруг себя публику, а не пытаться определить политику *в отсутствии* предмета беспокойства как вопрос процедуры, полномочия, суверенитета, права и представительства. Как ярко резюмировала ход этого рассуждения Маррес: «Нет предмета беспокойства — нет политики!»

На мой взгляд, в отличие от большинства философий, исследования науки заставили нас ретроспективно осознать, что политика всегда

* *Pragmata* (греч.) — вещи *(прим. пер.)*..

была *ориентирована на предметы беспокойства*. Прагматизм в гораздо большей степени, чем аристотелизм, является политической философией, разработавшей инструменты для того, чтобы следить за *последствиями* действий, когда эти последствия неизвестны или когда они переполняют берега рутины. Липпман ясно высказался против всякой мечты о технической модели демократии, основанной на экспертизе:

> Все же публика именно призвана выносить суждения именно о контроверзах, о противоречивых ситуациях, в которых труднее всего разобраться. Там, где факты наиболее туманны, где отсутствуют прецеденты, где все пронизано новизной и неразберихой, публика со всей некомпетентностью вынуждена принимать наиболее важные решения. Самыми трудными являются проблемы, с которыми не могут справиться институты. Это проблемы публики [Lippmann 1993: 121].

Здесь можно пофилософствовать и напомнить читателям журнала *Social Studies of Science*, что в состав имеющего латинские корни слова *«Res-publica»* входит слово «res», означающее и ассамблею, и тему, предмет беспокойства или положение дел, которые поставлены на карту. Хайдеггер аналогичным образом провел исчерпывающий этимологический анализ старогерманского и староанглийского слова «Thing», которое первоначально означало не объект, исторгаемый из всех ассамблей *(Gegenstand)*, но нечто, сводящее людей вместе *по причине* их разногласий [Harman, 2002]. Если подвести итог, то в рамках общего сдвига «от объектов к вещам» (как я его представил) мы теперь имеем дело не с неоспоримыми фактами (matters of fact), но с *предметами беспокойства (matters of concern)** [Latour 2005; Latour & Wiebel,2005].

* Терминологическая пара «*matter of fact*» и «*matter of concern*» фигурирует в творчестве Латура в нескольких модификациях: «*object/thing*»; «*Ding/Gegenstand*»; «*matter of fact/state of affairs*». В начале 2000-х Латур противопоставлял «*matter of fact*» и «*state of affairs*». Эту пару лучше всего перевести как «*фактические обстоятельства/положения дел*». Однако уже к 2004 году Латур сделал второе понятие по образцу первого, различение обрело актуальный вид — «*неоспоримые факты/предметы беспокойства*» — и теперь обозначает два подмножества «*положений дел*». Оба выражения банальны в английском языке, но были терминологизированы Латуром, чтобы избавиться от модернистского различения между объективными фактами и субъективными иллюзиями. «*Matter of fact*» и «*matter of concern*» отсылают к двум реалистским установкам. Первая исходит из уверенности, что реальность составляют неоспоримые факты, факты одновременно немые и говорящие сами за себя, так что по их поводу не может и никогда не могло быть споров и разногласий. Неоспоримые факты существуют сами по себе независимо от всякой человеческой интенции и субъективности и пото-

Каким бы ни был термин, который некто желает использовать (объект, вещь, собрание, беспокойство), ключевой ход состоит в том, чтобы заставить все определения политики вращаться *вокруг* предметов беспокойства (issues), а не добиваться, чтобы предметы беспокойства для своего рассмотрения занимали место в готовой политической сфере. Сначала определите, каким образом вещи превращают публику в проблему, и только затем попытайтесь уточнить, что является политическим, какие процедуры должны быть установлены, как различные ассамблеи могут прекратить прения и так далее. Такова трезвая *Dingpolitik* исследований науки и технологий, противопоставленная человеко-центрированной *Realpolitik*.*

Один и тот же предмет беспокойства, но пять значений слова «политический»

Две вещи на текущий момент должны быть ясны. Во-первых, открытие специалистов в STS состоит в том, что наука и технология участвуют в космополитике гораздо более радикальным и заметным образом, чем немногочисленные органы правительства. Во-вторых, политика даже в узком смысле, рассматриваемом политическими науками,

---

му не требуют никакого внимания и заботы. Вторая установка исходит из уверенности, что мир состоит из множества предметов беспокойства и спорных вопросов, где фактическое неотделимо от ценностного, объективное от субъективного, природное от культурного. Поэтому предметы беспокойства требуют любви, заботы, защиты, ремонта и т. п. Неоспоримые факты всегда являются следствием частичной, полемической и политической трактовки предметов беспокойства. Неоспоримые факты вновь обретают вид предметов беспокойства, когда на первый план выводятся условия их производства, как это было сделано Латуром и Вулгаром в книге «*Лабораторная жизнь*». В модернистской системе координат такая операция ведет к дереализации науки и ее фактов. Своим различение Латур стремится блокировать этот интеллектуальный ход и указать на то, что превращая неоспоримые факты в предметы беспокойства, исследования науки дают более реалистичное описание современного нам положения дел. См. об этом подробнее [Latour 2004a; Latour 2008] *(прим. пер.)*.

* *Realpolitik* (нем.) — реальная политика — термин, введенный Бисмарком, означающий государственный политический курс, опирающийся на власть, практические и материальные соображения, а не на идеологические, моральные или религиозные принципы. *Dingpolitik* (нем.) — политика вещей — латуровский неологизм, обозначающий политические принципы, которые должны прийти на смену реальной политике. Для Латура «*вещь*» синоним «*предмета беспокойства*» и обозначает как публику, собравшуюся оспорить какой-либо вопрос, так и нечто, привлекшее внимание этой публики и разделившее ее на полемические группы. О принципах политики вещей см.: [*Latour 2005: 31] (прим. пер.)*.

по сути всегда являлась деятельностью, ориентированной на предметы беспокойства. Однако остается третий вопрос: если политика всегда вращалась вокруг предметов беспокойства, то *каким образом* она вращалась вокруг них? Можем ли мы квалифицировать различные точки, лежащие на траектории предмета беспокойства, с помощью различных значений прилагательного «политический»? Так же, как звезды в астрономии являются лишь стадиями в последовательности трансформаций, которые астрономы научились фиксировать, предметы беспокойства принимают различный вид в зависимости от того, на каком этапе своей жизненной истории они находятся.

Пример де Вриса дает хорошую возможность проследить совершенно *различные* значения *одного и того же* предмета беспокойства. Отслеживаемые им биомедицинские тесты являются «политическими» в том смысле, что создают (как и все виды деятельности) новые ассоциации между людьми и не-людьми. Давайте назовем эту стадию «политической-1» и согласимся с тем, что это одно из новых значений политики, на которое «исследования науки» обратили внимание политических теоретиков, воскресив в реальности одно из определений материализма по Марксу [MacKenzie & Wajcman 1999]. Каждая новая не-человеческая сущность, введенная в контакт с людьми, изменяет коллектив* и каждого заставляет переопределить все многообразие космограмм. В этом заключается одно из важных новых значений общего термина «космополитика».

Однако биомедицинские тесты являются политическими также в смысле прагматистов. Результаты скринингового анализа крови впутывают множество непредвиденных акторов притом, что биологи и врачи не разработали инструментов, которые бы позволили репрезентировать, проследить, сохранить или предупредить неожиданно возникающие сплетения. Назовем эту стадию «политической-2» и свяжем ее с красивым аргументом Липпмана и Дьюи, что публика всегда представляет собой *проблему*. Всякий раз, некий предмет беспокойства порождает озабоченную и неустроенную публику, он является «политическим-2». Две первых стадии, очевидно, суть разные части одного и того же предмета беспокойства. Например, едва ли не ежедневное открытие экзопланетарных систем является «политическим-1» — в зависимости от того, существуют ли другие потенциально обитаемые планеты, мы живем в разном космосе. Однако эти открытия не являются «политическими-2»,

* Термин «*коллектив*» используется Латуром в качестве антитезы «*обществу*» и означает ассоциации людей и не-людей. «*Коллектив*» выводит на первый план процессы постепенного сочинения общего мира, т. е. позволяет увидеть осуществление космополитики. См.: [Latour 1999: 174–216, 304] *(прим. пер.)*.

так как нет широкой публики (по крайней мере пока еще нет), которая стала бы проблематичной в результате вхождения этих планет в устройство наших космограмм. Политологи ошибутся, сказав, что планеты не имеют отношения к политике (имеют, настаиваем мы, исследователи науки), но они будут правы, утверждая, что открытие планет (пока) не является политическим в том же смысле, в котором таковыми являются судьбы генетически модифицированных организмов или, например, выборы президента Франции.

Де Врис выделяет еще одну точку на траектории предмета беспокойства, которая также является политической, но уже в другом смысле. Назовем эту стадию «политической-3». Она наступает, когда машинерия правительства пытается перевести проблему публики в четко артикулированный вопрос общего блага и общей воли и терпит неудачу [de Vries 2007: 19]. Согласно де Врису, голландский кабинет министров потерпел неудачу, но по крайней мере постарался соотнести предмет беспокойства (issue) с вопросом государственного суверенитета Нидерландов. Министры попытались включить скрининг крови (matter of concern) в Сферу [Sloterdijk 2005] Общего благосостояния. Здесь мы гораздо ближе к самому ядру политической теории, от Макиавелли до Шмитта, и, вероятно, несколько ближе к тому, что Аристотель мог бы понимать под *polis*, лишь частью которого является свободный человек. Министры превратили предмет беспокойства в вопрос жизни и смерти, истолковав его как явление, которое заставляет задаться вопросом, что для голландца означает быть голландцем. Таким образом, скрининговый анализ крови стал частью того, что я называю Политическим Кругом: может ли целое одновременно устанавливать и признавать Закон, создавая автономию и свободу [Latour 2003]?

Подобно тому, как не все звезды должны закончить существование, став черными дырами или красными карликами, не все предметы беспокойства должны стать «политическими-3». Однако, достигнув этой стадии, они действительно выглядят совершенно иначе. Они по-другому регистрируются новыми инструментами, разработанными исследователями науки, чтобы отслеживать истории жизни предметов беспокойства [Rogers & Marres 1999; Rogers 2005].

Большое внимание статья де Вриса уделяет определению еще одного отрезка траектории предметов беспокойства, который исследователь справедливо, на мой взгляд, связывает с делиберацией* мини-королей. Граждане в полном сознании, наделенные способностью говорить, вычислять, идти на компромисс и вести дискуссию друг с другом, встречаются, чтобы «решить проблемы», поставленные

* Делиберация — обсуждение актуальных вопросов жизни общества *(прим. ред.)*.

наукой и технологией. Однако де Врис ошибается, высмеивая это наивное представление о том, каким должно быть политическое действие. Речь идет о просто *еще одной* возможной судьбе предмета беспокойства, которую можно назвать «политической-4». Эта хабермасовская стадия не есть абсурдный способ обращения с предметами беспокойства; это то, что наступает, когда предметы беспокойства перестали быть «политическими-3» или «политическими-2» и метаболизировались до той степени, что могут быть абсорбированы нормальной традицией делиберативной демократии. Глобальное потепление, как и экзопланеты, конечно, находится на другой стадии, но бесчисленное количество предметов беспокойства отлично подходит на роль проблем, которые следует решать с помощью одной из многочисленных процедур, изобретенных для достижения консенсуса между рационально мыслящими гражданами. Разумеется, де Врис прав, противостоя соблазну многих чиновников поверить, что со *всеми предметами беспокойства* следует обращаться, как с головоломками, которые требуют решения. Печальная мечта о «руководстве», которое заменит «политику-3» ассамблеями дисциплинированных решателей проблем. Однако глупо отрицать, что для предмета беспокойства это *вероятный* способ покинуть одну арену (публика как проблема) и выйти на другую (публика как решение).

Выявление потенциальной хабермасовской стадии в истории жизни предмета беспокойства важно, в частности, тем, что существует еще одно значение [прилагательного] «политический», которое де Врис упоминает, не останавливаясь на нем подробно: это этап, на котором предмет беспокойства *перестал* быть «политическим-4», «политическим-3» или даже «политическим-2» (хотя бы на время), став частью ежедневной рутины администрирования и менеджмента. Бесшумная работа канализационной системы Парижа перестала быть политической, как перестали быть таковыми прививки от оспы и туберкулеза. Теперь они в руках многочисленных и безмолвных бюрократических инстанций, которые редко попадают в заголовки газет. Распределение гендерных ролей столь тщательно «натурализовано», что на первый взгляд пребывает совершенно вне политики. Должны ли мы воздержаться от того, чтобы называть эти предметы беспокойства политическими в ином значении? Конечно, нет. Не только потому, что некогда они являлись громко обсуждаемыми контроверзами, и исследователи науки и технологии, феминистские исследователи занимаются не чем иным, как «реполитизацией» посредством своего рода исторической обратной инженерии*. Дело также в том, что данные предметы

* Обратная инженерия — термин, используемый в электронике, программном обеспечении и промышленности для обозначения изучения устрой-

беспокойства могут в любой момент вскрыться (reopen), что очевидно в случае вышеприведенных примеров канализационной системы, вакцинации и гендера. Назовем эту стадию «политической-5». Она пленила Мишеля Фуко, на что указывает злоупотребление термином «правительность»*: институты, которые с виду кажутся совершенно *аполитическими* в своей бесшумности, обыденности, рутинизированности, превратным образом представляют важнейший аспект того, что мы называем совместной жизнью, хотя из-за них никто не скандалит и они вряд ли выведут конгрессменов из парламентской спячки.

Таблица 1. Перечень некоторых следующих друг за другом значений слова «политический», которые может принять предмет беспокойства

Значения прилагательного «политический»	Что поставлено на карту в значении	Направления, обнаружившие значение
Политический-1	Новые ассоциации и космограммы	STS
Политический-2	Публика и ее проблемы	Дьюи, прагматизм
Политический-3	Суверенитет	Шмитт
Политический-4	Делиберативные ассамблеи	Хабермас
Политический-5	Правительность	Фуко, феминизм

ства или программы, чтобы понять и реконструировать принципы его работы для оценки возможности создания (улучшенного) аналога. Такое исследование проводится, когда в силу разных причин информация о структуре объекта и способе его производства отсутствует, и, как правило, используется хакерами и в промышленном шпионаже *(прим. пер.)*.

* Термин Фуко governmentality (англ.), gouvernementalité (фр.) представляет трудность для перевода на русский язык. Существуют различные варианты: «государственное управление», «управленитет», «властноментальность», «управляемость», «режим власти», «правительственность». Все они не в полной мере передают идею управленческой установки, которую Фуко увязывает с современным способом упорядочивания властных отношений. Мы остановились на варианте «правительность», предложенном Андреем Корбутом, который в отличие от «правительственности» не вызывает однозначных ассоциаций с «правительством» как исполнительным органом власти *(прим. ред.)*.

Я уверен, в естественной истории предметов беспокойства существует еще много стадий, но любопытно обнаружить, что: (1) каждая из них может быть названа «политической», хотя и в совершенно различном значении этого слова; (2) первое и пятое значения являются совершенно «аполитическими» для всех, кроме историков науки, феминистских исследователей и исследователей науки. Я предлагаю использовать слово «космополитика», чтобы охватить все пять значений (к которым, конечно же, следует добавить различные значения прилагательного «научный», раскрытые исследованиями науки [Latour 2004]).

Заключение: положить пределы высказыванию «все является политическим»

В итоге, да, все является (космо) политическим, но не одинаковым образом. Статья де Вриса позволяет нам не смешивать под одной вывеской различные отрезки траектории предметов беспокойства, которые должны быть тщательно картографированы исследователями науки. Польза таблицы 1 в том, что она позволяет придерживаться нашего большого открытия («политическое-1»), позволяя при этом в чем-то сократить область политического (the political).

До сих пор большинство дискуссий по вопросу технической демократии ограничивались лишь одним сегментом истории жизни предметов беспокойства, «политическим-4», определенно, не самым распространенным. Возможно, поэтому работы об участии публики в исследованиях науки и технологии зачастую звучат столь нереалистично. Для прагматистского определения «политического-2», напротив, нет ничего выдающегося в том, чтобы быть политическим: стать публичным — лишь этап в жизни предмета беспокойства, эпизод, разумеется, напряженный и неопределенный, но не первый и не последний. И, вопреки аристотелевскому идеалу, быть гражданином, который сливается с Полисом, как это предусмотрено «политическим-3», не так уж здорово. Например, по Липпману необходимость разбираться с предметами беспокойства «политическим-2» способом означает только то, что мы не знаем последствий наших действий. Что хуже, это означает, что обычная рутина действий нарушена, и ни чиновники, ни правительство, ни должностные лица не в состоянии подобрать к ней подходящее правило. Прилагательное «политический-2» указывает: что-то пошло не так. Это вовсе не чудесный свет, льющийся на благородных граждан, у которых есть позиция по каждому предмету беспокойства на земле. Разумеется, это идет вразрез с отчасти истеричным требованием «участия людей в принятии научных и технических решений». *Не*обязан-

ность участвовать должна остаться идеалом и является, конечно, наиболее распространенным ответом на призывы к действию.

Таблица также может объяснить, почему лозунг «все является политическим» выглядит столь пустым и в конечном счете деполитизирующим. Не существует когнитивного, ментального и аффективного оборудования, которому бы требовалось наша постоянная втянутость, вовлеченность или причастность к работе канализационной системы Парижа, поискам оружия массового поражения в Ираке, развитию исследований стволовых клеток в Калифорнии, глобальному потеплению, программному обеспечению сетей peer-to-peer, новым процедурам аудита европейских компаний и т. д. Расширение круга наших забот, которое охватывает каждый элемент науки и технологии, но не предоставляет нам инструменты и оборудования, чтобы следовать за ними, по-настоящему контрпродуктивно. После нескольких отважных попыток участвовать те, кто мечтает быть гражданами, отчаянно всплеснут руками, подавленные невероятным ростом забот, вновь впадут в спячку.

Однако столь же маловероятно, что множество новых предметов беспокойства можно вернуть на места, которые мы связываем с политическими традициями или «политической-3» стадией. Это тот случай, когда поиск политической релевантности зачастую бесплоден, поскольку ему не удается разработать и создать Вещь (Thing), то есть ассамблею ad hoc, уникально адекватную* требованиям предмета беспокойства. Нет смысла говорить, что глобальное потепление, тесты ДНК, загрязнение рек, новые планетарные системы, строительство демонстратора для исследования термоядерного синтеза и т. д. пройдут одни и те же стадии уличных демонстраций, парламентских дебатов, правительственных переговоров. Каждый новый предмет беспокойства заслуживает собственного протокола, поскольку он уже вышел за рамки привычных сплетений, о которых мы знали, как позаботиться. В примере де Вриса «пошла не так» не сама инновация, не идея, что в ней есть нечто политическое. Дело в беспочвенном утверждении, что обычная рутина правительственных действий может справиться с новым неожиданным сплетением.

Статья де Вриса напоминает всем нам, исследователям науки, что до сих пор мы проследили лишь половину изменений: мы преуспели в обнаружении непрерывных инноваций в науке и технологии, но проявили лень, ожидая, что новые предметы беспокойства

* Латур неоднократно заявлял о генеалогических связях акторно-сетевой теории и этнометодологии. См., например, [Latour 2003a: 40]. В связи с этим можно предположить, что здесь Латур намекает на этнометодологическую политику уникальной адекватностии метода объекту исследования. См.: [Garfinkel 2002: 175–176] *(прим. пер.)*.

(matters of concern) найдут себе место в большом доме уже собранной демократической политики (в значении 3 или 4). Этого не произойдет: не потому, что демократия невозможна, но потому, что каждый ансамбль заслуживает своей ассамблеи. Исследования науки сделают большой шаг вперед, если, поколебав объяснительную власть «социального», мы также сможем провести секуляризацию политики, выдвинув на передний план «публичную вещь». Мы бы вновь обрели политическую релевантность, которую основатели дисциплины справедливо считали столь важной. Постепенное сочинение общего мира могло бы определяться двумя основными элементами: *каковы* те вещи, вокруг которых должна вращаться политика, и *каким образом* она будет вокруг них вращаться.

Примечание

Я благодарю Марту Пун за проницательные комментарии и за исправление моего английского языка, равно как и мыслей.

Пер. с англ. Андрея Кузнецова
Ред. Иван Напреенко

Библиография

1. *Barnes et al 1979 — Barnes, Barry & Steven Shapin (eds).* ***Natural Order: Historical Studies in Scientific Culture*** *(London: Sage Publications), 1979.*
2. *Beck 2006 — Beck U.* ***Cosmopolitan Vision****. London: Polity Press, 2006.*
3. *de Vries 2007 — de Vries G. What is Political in Sub-politics? How Aristotle Might Help STS //* ***Social Studies of Science. 2007****. 37 (5). P. 781–809.*
4. *Dewey 1954 — Dewey J.* ***The Public and its Problems****. Athens, OH: Swallow Press/Ohio University Press), 1954 [1927].*
5. *Haraway 1997 — Haraway D.* ***Modest Witness@Second Millennium. FemaleMan©_ Meets_OncoMouse™: Feminism and Technoscience****. London: Routledge, 1997.*
6. *Harman 2002 — Harman G.* ***Tool Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects****. Chicago, IL: Open Court, 2002.*
7. *Jasanoff, Marybeth 2004 — Jasanoff S., Marybeth L. M. (eds).* ***Earthly Politics: Local and Global in Environmental Governance****. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.*
8. *Latour 2003 — Latour B. What if We Were Talking Politics a Little? //* ***Contemporary Political Theory. 2003. Vol****. 2. P. 143–64.*
9. *Latour 2004 — Latour B.* ***Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy****/Catherine Porter (trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.*
10. *Latour 2005 — Latour B. From Realpolitik to Dingpolitik: How to Make Things Public. An Introduction // B. Latour & P. Weibel (eds).* ***Making Things Public. Atmospheres of Democracy****. Cambridge, MA: MIT Press. 2005. P. 1–31.*
11. *Latour, Weibel 2005 — Latour B. & Weibel P. (eds).* ***Making Things Public: Atmospheres***

of Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
12. Lippmann 1993 — Lippmann W. **The Phantom Public**. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1993 [1927].
13. MacKenzie, Wajcman 1999 — MacKenzie D., Wajcman J. **The Social Shaping of Technology**, second edn. Milton Keynes: Open University Press, 1999.
14. Marres 2005 — Marres N. **No Issue, No Public: Democratic Deficits after the Displacement of Politics**, PhD Thesis, University of Amsterdam, 2005.
15. Marres 2007 — Marres N. The Issues Deserve More Credit: Pragmatist Contributions to the Study of Public Involvement in Controversy // **Social Studies of Science. 2007. Vol.** 37 (5). P. 759–780.
16. Rogers 2005 — Rogers R. **Information Politics on the Web**. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
17. Rogers, Marres 1999 — Rogers R., Marres N. Landscaping Climate Change: Mapping Science & Technology Debates on the World Wide Web // **Public Understanding of Science. 1999. Vol.** 9 (2). P. 141–163.
18. Sloterdijk 2005 — Sloterdijk P. Foreword to the Theory of Spheres // M. Ohanian & J. C. Royoux (eds). **Cosmograms**. New York: Lukas and Sternberg, 2005. P. 223–241.
19. Stengers 1996 — Stengers I. **Cosmopolitiques — Tome 1: la guerre des sciences** [**Cosmopolitics — Volume 1: The War of Sciences**]. Paris: La decouverte & Les Empкcheurs de penser en rond, 1996.
20. Tresch 2005 — Tresch J. Cosmogram // M. Ohanian & J. C. Royoux (eds). **Cosmograms**. New York: Lukas and Sternberg, 2005. P. 67–76.
21. Winner 1993 — Winner L. Upon Opening the Black Box and Finding it Empty: Social Constructivism and the Philosophy of Technology // **Science, Technology, & Human Values. 1993. Vol.** 18. P. 362–378.

Примечания переводчика:

1. Garfinkel 2002 — Garfinkel H. Ethnomethodology's programm. Lanham: Rowman & Littelfield Publishers, 2002.
2. Latiur 2004a — Latour B. Why Has Critique Run Out of Steam: From Matters of Fact to Matters of Concern // Critical Inquiry. 2004. Vol. 30. N. 2. Pp. 225–248.
3. Latour 1999 — Latour B. Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
4. Latour 2003a — Latour B. Is Re-modernization Occurring? And If So, How to Prove It: A Commentary on Ulrich Beck // Theory, Culture & Society. 2003. Vol. 20. N. 2.
5. Latour 2008 — Latour B. What is the style of matters of concern? Two lectures in empirical philosophy. Amsterdam: Van Gorcum, 2008.
6. Whitehead 1978 — Whitehead A. N. Process and Reality: An Essay in Cosmology. New York: The Free Press, 1978.
7. Клаузевиц 1998 — КлаузевицК. фонОвойне. М.: Издательская корпорация "Логос», 1998.
8. Латур 2006 — Латур Б. Нового времени не было. СПб., 2006.
9. Фуко 2002 — Фуко М. Интеллектуалы и власть. Т. 1. М.: Праксис, 2002.